

УДК 101

© 2013 г. Т.А. Полякова

ПРОИЗВЕДЕНИЕ И ТЕКСТ В КОНЦЕПЦИИ Р. БАРТА

[Т.А. Polyakova. Work and text in the concept of R. Barthes]

It is considered the work and the text in the concept of Roland Barthes. In this concept, there is a shift of interest from the research problem "work" as a whole, which has a stable structure, the process of "structuration text" changing "from reader to reader throughout history". It is shown that the text appears as a methodological field operations as a result of the shift or transformation of the former categories in the discourse. It is shown that the dialogue is replaced by "reading – writing", and the culture is interpreted as "textualized" reality.

Key words: text, work, deconstruction, intertext, writing, code.

Теория Р. Барта «текстового анализа» стала одной из первых деконструктивистских теорий анализа художественного произведения. В этой концепции происходит смещение исследовательского интереса от проблемы «произведения» как целого, обладающего устойчивой структурой, к процессу «структурирования текста», меняющейся «от читателя к читателю на протяжении Истории» [1, с. 424]. Текстовый анализ стремится «проникнуть в смысловый объем произведения, в процесс означивания» [там же] и поэтому его цель – «увидеть, как текст взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве» [там же], вместо того чтобы заниматься выявлением внешних каузальных связей. Барт считал, что исследователь должен «попытаться уловить и классифицировать... отнюдь не все смыслы текста (это было бы невозможно, поскольку текст бесконечно открыт в бесконечность...), а, скорее, те формы, те коды, через которые идет возникновение смыслов текста», т.е. проследить «пути смыслообразования». При этом он подчеркивал, что задача найти единственный смысл или один из возможных смыслов текста не ставится, т.к. основная цель – «помыслить, вообразить, пережить множественность текста, открытость процесса означивания» [там же]. По сути, концепция текстового анализа является переосмыслением концепций текста и языка Деррида, Фуко, Кристевой,

Делеза в контексте литературоведческих проблем, причем «он в своих концепциях учитывал не только теоретический опыт своих коллег, но и литературный опыт французского новейшего авангарда» [2, с. 162].

Следуя за Деррида, Барт находит способ разрушить власть идеологии в деконструктивистской семиотической практике «чтения-письма», обозначая термином «письмо» – «переплетение и взаимообратимое движение «кодов» в тексте», а термином «чтение» – «акт погружения в текст-письмо» [3, с. 40]. Читать, по Барту, – «значит желать произведение, желать превратиться в него, это значит отказаться от всякой попытки продублировать произведение на любом другом языке помимо языка самого произведения» [1, с. 373]. Противоречие между эмпатическим чтением читателя, «желающим» означающее, и аналитическим письмом критика, «желающего» означаемое, снимается на уровне Текста, где дистанция между письмом и чтением разрушается: «Именно «текст» позволяет анализу, не утрачивая своей рефлексивной природы, ликвидировать отчуждающую дистанцию между метаязыком и языком-объектом, а «чтению» – избавиться от бездумного гедонизма и приобрести аналитические функции метаязыка» [3, с. 42]. В процессе «чтения-письма» из элементов произведения, вступающих во взаимодействие с сознанием читателя, которое «само уже есть воплощенное множество других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов» [4, с. 38], конструируется Текст.

Понятие текста для Барта стало той сферой, в которой «произошла бартовская критическая мутация», представляющая собой «переход от понятия произведения как структуры, функционирование которой объясняется, к теории текста как производства языка и порождения смысла» [цит. по: 2, с. 168]. При этом он ставит под сомнение существование самой модели, порождающей смысл, т.е. структуры знака: «вопрос стоит не об обнаружении латентного смысла, характеристики или повествования, но о расщеплении самой репрезентации смысла; не об изменении или очищении символов, а о вызове самому символическому» [цит. по: 2, с. 168]. Таким образом, Барт, также как и Деррида, должен был рассматривать проблему знака и вопрос целостной оформленности смысла уже в контексте переосмысленного понятия «текст». Если для Барта эпохи системности «письмо есть всего лишь предложение» [1, с. 296], то позднее для него «фраза перестает быть моделью тек-

ста» [там же, с. 466], т.к. текст «способен восставать даже против канонических структур самого языка (Соллерс) – как против его лексики (изобилие неологизмов, составные слова, транслитерации), так и против синтаксиса (нет больше логической ячейки языка – фразы)» [там же, с. 486]. Следовательно, классическое понятие произведения заменяется понятием текста как «методологической гипотезы, которая как стратегия обладает тем преимуществом, что дает возможность разрушить традиционное разграничение между чтением и письмом» [цит. по: 2, с. 169], т.е. изменить уровень восприятия литературного объекта. Барт попытался на практике использовать данный методологический принцип в работе «S/Z» (1970), в которой предложил деконструктивистский анализ повести Бальзака «Сарразин», превративший «конвенциональное произведение в текст, разворачивающийся как лингвистический и семиотический материал», и в то же время, изменив традиционное понимание производства смысла, что, собственно, и привело к новой концепции текста как «самопорождающейся продуктивности» или «производительности текста» [2, с. 170]. В этой работе («S/Z») произошло смешение структуралистских приемов и постструктуралистских идей, в ней отразился сдвиг интересов Барта от семиотики системы к семиотике *Текста*: ««S/Z» балансирует на самом остром грани между *mania classification* структурализма и *demence fragmentation* постструктурализма» [там же, с. 163].

Барт разбивает текст Бальзака на 561 «лексию» (минимальная единица текста, позволяющая провести анализ ее коннотативного значения) и определяет пять кодов, с помощью которых пытается «объяснить» коннотации этих минимальных единиц, – герменевтический, проайретический (акциональный, код действия), символический, семный (коннотативный), референциальный (культурный) [5, с. 13]. Специфика текстового анализа и самого понятия текста у Барта основывается на его интерпретации понятия «код» – структуралистской концепции системы правил, «обеспечивающих коммуникативное функционирование любой знаковой, в том числе, ... языковой, системы» [2, с. 164]. В качестве герменевтического кода Барт рассматривает «такую совокупность единиц, функция которых – тем или иным способом сформулировать вопрос, а затем и ответ на него, равно как и указать на различные обстоятельства, способные либо подготовить вопрос, либо отсрочить ответ» [4, с. 42]. «Образцовое» означаемое – «означаемое как таковое, означаемое, воз-

никающее за счет коннотации почти в общепринятом смысле этого слова» [там же, с. 43], Барт называет «семой», «довольствуясь в каждом случае фиксацией коннотативного означаемого, к которому отсылает лексия, при помощи какого-нибудь... слова (СЕМ. Женскость)» [там же, с. 43]. При этом он воздерживается от структурирования семантического пространства, предполагающего различные точки зрения, но подчеркивает, что в пределах символического поля предполагается мотивированность человеческого поведения, и поэтому, «пользуясь аристотелевской терминологией, устанавливающей зависимость между праксисом и проайресисом, т.е. способностью человека обдумывать результаты своего поведения, мы станем называть этот код действий и поступков проайретическим (правда, в повествовательном тексте «обдумывает» действие не персонаж, а сам дискурс)» [4, с. 43]. Причем также как «действия организуются в ряды», этот код организуется цепочками последовательностей, которые указываются их перечислением, «поскольку проайретическая последовательность никогда не может быть ничем иным, кроме как результатом уловки, производительности чтения» [2, с. 164]. Барт выделяет специфический «культурный» код – «код человеческого знания» (исторического, философского, психологического, литературного и т.п.), к которому отсылает текст и из которого «вырастает произведение», подчеркивая при этом, что «любой код является культурным» и состоит из множества усваиваемых обыденным сознанием стереотипов. Культурный код отсылает к знанию как общепринятым общественным правилам: «код – это корпус правил, настолько расхожих, что мы принимаем их за природные данности» [4, с. 47]. Выделяя различные субкоды общего культурного кода (научный код, риторический код, хронологический код, социо-исторический код), Барт подчеркивает, что культурный «код» – «это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур...; порождаемые им единицы... это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого уже» [там же, с. 45]. Эти же коды он называет референциальными, т.к. они «позволяют дискурсу опереться на авторитет науки и морали» [там же, с. 44].

Таким образом, понятие «код» в концепции Барта служит для упорядочения текстовой множественности, которую из себя представляет Текст («вся недифференцированная масса культурных смыслов, впитанная производением, но еще не подчинившаяся его телеологическому заданию» [5,

с. 20]): код – это «пространство цитации», диапазон, в котором располагаются культурные «голоса» Текста, «это не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой», это «мираж, сотканный из структур», который «откуда-то возникает и куда-то исчезает – вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы... это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого *уже*; отсылая к написанному ранее, иначе говоря, к Книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в каталог этой Книги» [4, с. 45]. Причем «сотканный» из множества равноправных кодов текст оказывается вплетен в бесконечную ткань культуры, являясь ее «памятью» – он «помнит» не только культуру прошлого и настоящего, но и культуру будущего: «В явление, которое принято называть интертекстуальностью, следует включить тексты, возникающие позже произведения: источники текста существуют не только до текста, но и после него» [цит. по: 3, с. 40]. Итак, текст, по Барту, это не устойчивый «знак», а условия его порождения, пространство, не знающее нарративной структуры, пространство со множеством входов и выходов, где встречаются для свободной «игры» гетерогенные культурные коды. Текст – это интертекст, «галактика означающих», а произведение – «эффект текста», зримый результат «текстовой работы», происходящей на «второй сцене», шлейф, тянущийся за текстом. Переплетение и взаимообратимое движение «кодов» в тексте Барт обозначил термином «письмо» (придав новый, «постструктуралистский» смысл слову), а акт погружения в текст-письмо – термином чтение. Процедура «чтения», которой требует «текст», должна существенным образом отличаться от критической «интерпретации», которую предполагает «произведение» [3, с. 40].

Барт отказывается давать строгое научное определение понятия «код»: «мы называем кодами просто ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры: коды – это определенные типы *уже виденного, уже читанного, уже деланного*; код есть конкретная форма этого «уже», конституирующего всякое письмо» [1, с. 455-456]. По сути, код для Барта также является объектом деконструкции: «Мы сознательно уклоняемся от более детальной структуризации каждого кода,... коды важны для нас лишь как *отправные*

точки «уже читанного», как трамплины интертекстуальности: «раздерганность» кода не только не противоречит структуре..., но, напротив, является неотъемлемой частью процесса структуризации. Именно это «раздергивание текста на ниточки» и составляет разницу между структурой (объектом структурного анализа в собственном смысле слова) и структуриацией (объектом текстового анализа...)» [1, с. 459].

Как отмечает Косиков, определенные Бартом коды делятся на две группы – герменевтический и акциональный коды «имеют непосредственное отношение к произведению как к завершенной конструкции», в то время как семный, культурный и символический коды «призваны разомкнуть эту конструкцию и ввести нас в область Текста» [5, с. 19]. Таким образом, бартовские коды позволяют исследовать Текст как идеологический феномен и «вылавливать кишачие в нем идеологемы» [там же, с. 20]. При этом в концепции Барта произведение принадлежит уровню денотации, а Текст выполняет коннотативную функцию, т.е. произведение – это то что «сказал» автор, а Текст – это идеологическая атмосфера культуры, которая проявилась в произведении независимо от авторской воли и сознания. Поэтому «в смысловом отношении Текст первичен, а произведение – вторично» [там же, с. 20], ведь «денотация на поверку оказывается лишь *последней* из возможных коннотаций» [4, с. 36]. Таким образом, Текст – это «море социокультурных смыслов, питательная среда» [5, с. 20] для создаваемого писателем произведения, т.е. произведение – это всего лишь «шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом» [1, с. 415], следовательно, произведение воплощает тот образ мира и себя, который существует у автора. При этом непосредственной данностью для читателя является произведение, а не Текст, доступ к которому возможен только через произведение, следовательно, произведение оказывается коннотатором Текста, играющим «ту самую натурализующую роль, которую Барт не уставал разоблачать, начиная с «Мифологий»» [5, с.21-22].

Форма, в которой существует смысл любого произведения, согласно Барту, представляет собой «переплетение различных голосов и кодов», постоянная «перебивка» другими смыслами, «прерывистость действия», которые создают «читательское нетерпение» [2, с. 166]: «высказывание не может быть детерминировано одним голосом, одним смыслом – в высказывании присутствуют многие коды, многие голоса, и ни одному из них не отдано предпо-

чтение» [1, с. 461]. Именно из такого подхода рождается письмо, которое заключается «в этой утрате исходной точки, утрате первотолчка, побудительной причины, взамен всего этого рождается некий объем индетерминаций или сверхдетерминаций: этот объем и есть означивание. Письмо появляется именно в тот момент, когда прекращается речь, то есть в ту секунду, начиная с которой мы уже не можем определить, кто говорит, а можем лишь констатировать: тут нечто говорится» [там же, с. 461]. Таким образом, письмо появляется только в условиях анонимности, когда становится невозможным определить авторство и на первый план выходит интертекстуальный принцип. Все эти рассуждения Барта, по существу, являются интерпретацией в контексте литературоведческого анализа идеи Деррида об утрате первоначала как условия письма (литературы) и его же принципа неразрешимости, осмысленного в контексте текстового его проявления как «разновекторность, разнонаправленность «силовых притяжений кодовых полей»» [2, с. 168].

Таким образом, в текстовом анализе Барта произошло размывание понятия «код», а в какой-то степени «небрежность» [там же, с. 170] с определением кодов привела в дальнейшем к отказу от этого «наследия» структурализма. Барт неоднократно возвращался к технике текстового анализа, однако в более поздних работах ("Удовольствие от текста" (1973), "Ролан Барт о Ролане Барте" (1975), "Фрагменты любовного дискурса" (1977)) он превратился «в пророка наслаждения от чтения, которое в духе времени получило «теоретически-эротическую» окраску» [2, с. 171]. В этом контексте он отказывается от понятия кода как основы Текста: «Я люблю текст именно за то, что он является для меня тем специфическим языковым пространством, где невозможны... никакая логомахия», и подчеркивает, что «Текст – это ни в коем случае не «диалог»: в нем нет и намека на лукавство, агрессию, шантаж, нет ни малейшего соперничества идиолектов; в море обыденных человеческих отношений текст – это своего рода островок, он утверждает асоциальную природу удовольствия... и позволяет заметить скандальный характер истины, заключенной в наслаждении: наслаждение... всегда *нейтрально*» [1, с. 473].

Бартовский Текст возникает как поле методологических операций в результате сдвига или преобразования прежних категорий и существует только в дискурсе. В работе «От произведения к тексту» (1971) Барт замечает, что настоящий прорыв в представлениях о языке и о литературном произведении

произошел благодаря междисциплинарному подходу к этим объектам, «когда единство прежних дисциплин раскалывается... и уступает место новому объекту и новому языку» [1, с. 413]. При этом изменение подхода к понятию «произведения» связано с общим эпистемологическим сдвигом в науке: подобно тому, как в состав исследуемого физического объекта включается относительность системы отсчета, так и в литературе «совместное воздействие марксизма, фрейдизма и структурализма заставляет ввести принцип относительности во взаимоотношения скриптора, читателя и наблюдателя» [там же, с. 413]. Соответственно, такой подход приводит к появлению нового объекта – Текста, который возникает в противовес традиционному понятию произведения («которое издавна и по сей день мыслится, так сказать, по-ньютонически») в результате «сдвига или преобразования прежних категорий» [там же, с. 413]. Как показал Г. Косиков, бартовские понятия «произведение» и «Текст» близки понятиям «фено-текста» и «гено-текста» у Ю. Кристевой [3, с. 38]. «Фено-текст», т.е. произведение, – это готовый, иерархически организованный семиотический продукт с вполне устойчивым смыслом, а «гено-текст» – это как бы «закулисье» «фено-текста», где происходит «интенсивная семиотическая работа по производству фено-текстового смысла». Это «суверенное царство «различения», где нет центра и периферии, нет субъективности, нет коммуникативного задания; это неструктурированная смысловая множественность, обретающая структурную упорядоченность лишь на уровне фено-текста, это своеобразный «культурный раствор», кристаллизирующийся в фено-тексте» [3, с. 38]. По существу, Барт указывает на неограниченные возможности читателя стать автором нового культурного пространства на основе «гено-текста»: «Текст значит Ткань; однако если до сих пор эту ткань неизменно считали некоей завесой, за которой с большим или меньшим успехом скрывается смысл..., то мы, говоря ныне об этой ткани, подчеркиваем идею порождения, согласно которой текст создается, вырабатывается путем нескончаемого плетения множества нитей» [1, с. 515] – ведь жизнь текста «есть становление посредством номинации» [4, с. 39].

Таким образом, культурологическую концепцию текста Р. Барта можно рассматривать в контексте продолжения интерпретации текста как явления культуры, диалогичного по своей природе и лежащего в основ мышления и культуры. Отказ от репрезентативной концепции знака и деконструктивист-

ская практика работы с текстом приводит к тому, что Текст становится «культурным раствором», кристаллизующимся в произведении. Такой подход открывает возможность для провозглашения принципиальной неопределенности любого смысла, определяющейся игрой на взаимодействии между смыслом, обусловленным контекстом анализируемого произведения, и безграничным контекстом культуры. Диалог заменяется «чтением-письмом», а культура осмысливается как «текстуализированная» реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. *Ильин И.П.* Теория знака Ж. Дерриды и ее воздействие на современную критику США и Западной Европы / Семиотика. Коммуникация. Стилль. М., 1983.
3. *Косиков Г.К.* Французское литературоведение 60-70-х гг.: от структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1998. – 80 с.
4. *Барт Р.* S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
5. *Косиков Г.К.* Текст / Интертекст / Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
6. *Грибанов И.Н.* Основные направления исследования символа // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. <http://www.hses-online.ru>
7. *Полякова Т.А.* Проблема текста в концепции диалогизма культуры М.М. Бахтина» // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 4.
8. *Полякова Т.А.* Текст и деконструкция // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. <http://www.hses-online.ru>

REFERENCES

1. *Barthes R.* Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow, 1989.
2. *Ilyin I.P.* Derrida's theory of the sign and its impact on modern criticism of the U.S. and Western Europe / Semiotics. Communication. Style. M., 1983.

3. *Kosikov G.K.* French Literature 60-70s.: from structuralism to post-structuralism (problems of methodology). Dissertation in the form of a scientific report on the degree of Doctor of Philology. M., 1998.
4. *Barthes R. S/Z.* Moscow, 2001.
5. *Kosikov G.K.* Text / Intertext / Intertextology // Pege Grau N. Introduction to the theory of intertextuality. M., 2008.
6. *Gribanov I.N.* Main directions of research for character // Humanities and Social Sciences. 2008. No 1. <http://www.hses-online.ru>
7. *Polyakova T.* The problem of text in the concept of dialogism culture M.M. Bakhtin // Humanities and socio-economic sciences. 2013. No 4.
8. *Polyakova T.* Text and deconstruction // Humanities and Social Sciences. 2013. No 4. <http://www.hses-online.ru>

*Зимовниковский педагогический
колледж. г. Зимовники, Россия*

8 декабря 2013 г.
